

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности
и межнациональных отношений
Отделение Российского исторического общества
в Республике Коми

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 52*

Ю. П. Шабает, И. Л. Жеребцов

**КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ
В ЭПОХУ ЭРОЗИИ ГЛОБАЛИЗМА
(аналитический доклад)**

*Материалы к Всероссийскому научному семинару
«Влияние геопроекта “Туран” на этнополитические процессы
в регионах Поволжского федерального округа»
(Ижевск, 27–28 февраля 2023 г.)*

Сыктывкар, 2023

Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л. **КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ В ЭПОХУ ЭРОЗИИ ГЛОБАЛИЗМА (аналитический доклад)**. Материалы к Всероссийскому научному семинару «Влияние геопроекта “Туран” на этнополитические процессы в регионах Поволжского федерального округа» (Ижевск, 27–28 февраля 2023 г.). – Сыктывкар, 2023. – 32 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 52).

Издание посвящено анализу современного состояния широких культурных пространств, сформировавшихся во второй половине и в конце XX в. на культурно-языковой основе: Содружества нации, Франкофонии, Испанидад, Арабскому миру, Финно-угорскому и Тюркскому мирам. Показано, что «культурно-языковые миры» переживают кризис, который усугубляется процессами эрозии традиционного глобализма, который способствовал глобализации культуры и интеграционным процессам.

Научный редактор д.и.н. Е. Ф. Кринко

Редколлегия:

И. Л. Жеребцов (председатель), И. О. Васкул (зам. председателя), Е. А. Цыпанов (зам. председателя), Н. В. Горинова (отв. секретарь), Н. М. Игнатова, В. Н. Карманов, П. П. Котов, Ю. А. Крашенинникова, Т. Л. Кузнецова, А. М. Мацук, А. Г. Мусанов, П. Ю. Павлов, М. В. Таскаев, Ю. П. Шабаев

Рецензенты:

доктор исторических наук В. А. Исупов (Санкт-Петербург)
доктор исторических наук А. В. Сперанский (Екатеринбург)

Печатается по решению Совета Отделения
Российского исторического общества в Республике Коми.

© Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., 2023

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2023

Введение

Современный мир – это динамично меняющееся геополитическое пространство, в котором сформировались глобальные рынки труда, капитала, товаров и услуг, технологий и трансконтинентальных коммуникаций, сложились, казалось бы, устоявшаяся система международной кооперации и разделение труда, т.е. происходило все то, что принято называть процессами глобализации. Эти процессы имеют давнюю историю, и некоторые исследователи полагают, что начало им положила эпоха великих географических открытий. Но помимо экономической глобализации, все более усиливавшейся со второй половины XX столетия, исследователи все чаще говорили в предшествующие годы о культурной глобализации, суть которой сводится к формированию массовой культуры, основанной на единых (или схожих) формах культурного потребления, и этот процесс действительно имел место.

Процессы глобализации, которые к концу XX в. обрели огромные масштабы, тем не менее нельзя переоценивать, особенно их глубину. Более того, если сфера экономики, финансов, торговли приобрела планетарный характер, то культурные отличия разных стран и народов все еще очень велики; культурные границы между народами и культурными ареалами не исчезли, а культурные традиции оказываются устойчивыми и весьма значимыми для жизнедеятельности многих сообществ, включая и те нации-государства, которые находятся на передней линии технологической модернизации.

Тем не менее именно процессы современной глобализации дали основания говорить о том, что институт государственного суверенитета постепенно умирает потому, что решение глобальных вопросов перекладывается на различные международные организации – ООН, ЕС, «семерку» («двадцатку») и т.д. В этой связи утверждалось, что на карте мира сначала перестанут появляться новые государства, а впоследствии начнется исчезновение существующих. Так, автор книги «Народы без государств» Монсерат Губерно полагала, что в условиях современной цивилизации

многие народы отказываются от борьбы за создание собственного национального государства.

Но утверждения глобалистов о том, что скоро в мире перестанут возникать новые государства и начнется эпоха глубокой интеграции, а также исчезновения многих независимых государств, оказались надуманными. Количество государств продолжало расти в конце XX и в начале XXI столетий; помимо официально признанных, возник и существует целый ряд непризнанных государственных или псевдогосударственных образований, причем существенную роль в их возникновении играл этнический фактор: это и Республика Северного Кипра, признанная только Турцией, и Косово, которое многие государства не собираются признавать, и Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, чье возникновение связано с острыми этнополитическими конфликтами на постсоветском пространстве. Сегодня в мире существует 230 государств и еще 17 самоуправляемых территорий, из которых 193 являются членами ООН (197 признаны Россией), а более десятка являются непризнанными (частично признанными) и самопровозглашенными.

При этом вполне возможно появление новых государств, ибо самая богатая область Испании Каталония, где производится пятая часть национального дохода страны, не оставляет попыток обрести независимость. Политическое руководство Шотландии заявило, что в ближайшие два года здесь состоится новый референдум о независимости (первый состоялся осенью 2014 г., и тогда 55 % шотландцев высказались за то, чтобы остаться в составе Великобритании). Центробежные тенденции имеют место и во многих других странах, включая вполне богатые и, казалось бы, благополучные страны. Одной из важнейших причин их возможного раскола является их культурная неоднородность.

Если же говорить о мире в целом, то он очень разнообразен (в языковом, этническом, религиозном, расовом отношении), и разные страны отличаются друг от друга не только и не столько уровнем развития экономики и политическими режимами, сколько этническим, расовым, религиозным составом населения. Эти различия не могут быть преодолены за счет процессов глобализации, ибо они складывались тысячелетиями. Современная геополитика обращает внимание не только на категории пространства и силы

государств, но и на культурно-историческую обусловленность характера международных отношений, а потому в числе ее основных парадигм находится цивилизационная парадигма, предложенная директором Института стратегических исследований Гарвардского университета (США) Сэмюэлем Хантингтоном (*Huntington*, 1996). Он выдвинул и обосновал гипотезу, согласно которой мировые конфликты неизбежны в силу культурной неоднородности мира и принципиальных различий между цивилизациями, которые сегодня существуют на планете (*Мухаев*, 2010). По его мнению, сегодня можно выделить семь или восемь цивилизаций, среди которых западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская. Он полагал, что цивилизационные различия более консервативны и менее способны к изменениям, чем политические и экономические, и потому многие конфликты на планете носят именно цивилизационный характер.

При всей спорности многих положений концепции столкновения цивилизаций, следует согласиться с тем, что культурные различия могут превращаться в политический ресурс и становиться движущей силой политики и причиной политических конфликтов. Примеров тому достаточно. С позиций концепции Хантингтона можно отчасти объяснить и «арабскую весну» 2010–2011 гг., и миграционный кризис в Европе в 2015–2016 гг., и нарастающее противостояние между Китаем и США (и их атлантическими союзниками), а также нынешний конфликт между Россией, которую нередко называют отдельной цивилизацией и коллективным Западом, навязывающим миру свои культурные нормы и ценности, которые явно не согласуются с культурными нормами обществ, ориентированных на традиционные ценности. Конфликты, в основе которых не только экономические и политические противоречия, но и культурные, этнические, религиозные различия, возникают снова и снова. Именно поэтому на рубеже XX и XXI вв. обрела статус самостоятельной научной дисциплины этнополитология, в фокусе внимания которой находятся культурные различия между народами, оцениваемые как политический ресурс. Одним из таких ресурсов уже долгое время пытаются сделать и «культурные миры».

История формирования некоторых «культурных миров» и их современное состояние

В 1990 г. в политическую лексику американским профессором Джозефом Наем было введено понятие «мягкая сила». В вышедшей в 2004 г. монографии (*Нае, 2004*) он развил свои идеи, указав, что силовые методы во внешней политике и межгосударственных отношениях менее эффективны, чем инструменты, с помощью которых достигаются взаимное уважение и взаимное притяжение разных стран. Д. Най заявил, что политика мягкой силы является одним из ключевых аспектов современной внешней политики ведущих мировых держав. Сам этот термин многозначен и не имеет четкой дефиниции, но культура и культурные образцы есть один из очевидных инструментов мягкой силы, включая и культурно-языковую солидарность.

Причем культурно-языковая солидарность как инструмент конструирования широких культурных пространств (миров) может основываться на поисках культурной общности у представителей языковых семей, ветвей и групп, а равно и на лидирующей роли одного языка и культурных стандартов носителей этого языка для всех народов и государств, склонных признать тот или иной язык и культурные традиции его носителей, как образец для подражания и копирования.

Однако важно иметь в виду, что культурно-языковая солидарность как инструмент мягкой силы и сама идея использования культурной солидарности, а не силы в межгосударственных отношениях не являются «открытием» или новацией, внесенной в политику американским профессором. Первооткрывателями этого инструмента нужно считать так называемых будителей, т. е. представителей интеллигенции южных и западных славян, выступавших за национальное, культурное и языковое пробуждение славянских этнических сообществ Южной и Центральной Европы и заложивших основы национальных движений у названных народов в XVIII–XIX вв. Наиболее активно идеи «будителей» распространялись там, где имело место культурное давление со стороны иноэтничных элит – в Чехии и Словении, в Словакии и Подкарпатской Руси, в Болгарии (*Kolejka, 1964*).

С начала XIX в. в кругах будителей все популярнее становится идея славянской взаимности – естественного тяготения славянских народов друг к другу, обусловленного культурно-языковой близостью и отчасти общностью исторических судеб. Политическим выражением названных идей стали концепции формирования союза славянских народов под патронажем России (предлагались разные формы). Но в геополитическом плане речь шла о формировании широкого культурного пространства – славянского мира, хотя и политический подтекст этого пространства был более чем очевиден.

Важной особенностью идеи славянского мира и славянского единства было то, что идейная конструкция имела политическое содержание и политические последствия. Предполагалось, что славянские народы могут объединиться под эгидой России или создать славянскую конфедерацию под ее патронажем. Было принято решение, что если в будущем возникнут независимые славянские государства или их конфедерация, то их государственные флаги будут копировать российский триколор. Это решение не поддержала только польская делегация, поскольку после польского восстания 1830 г. Николаем I был издан Органический статут, который лишал созданное в 1815 г. Царство Польское (в составе Российской империи) всех атрибутов суверенности (собственной армии, национальной валюты – злотого, собственного парламента – сейма, административного деления на воеводства, преподавание в школах на польском языке и предписывал закрыть Варшавский и Виленский университеты).

Рис 1. Печать первого всеславянского конгресса.

Славянское единство не состоялось, так как его похоронили балканские войны 1912–1913 гг. Тем не менее славянские съезды с большими перерывами продолжали созываться, и последний полноценный съезд прошел в Киеве в 2010 г. Хотя был еще и поминальный съезд в Праге в 2018 г. (в честь 180-летия первого съезда), но он скорее напоминал символическую надгробную плиту на идее славянской взаимности и славянского единства, а не попытку активизировать культурные обмены и решать межгосударственные проблемы с помощью народной дипломатии, общих культурных идеалов. Но попытка построить славянский мир и неудачный опыт поисков славянской взаимности не были единственным опытом подобного рода. Подобные конструкции стали возникать вновь и вновь.

Культурно-языковые принципы формирования трансграничных культурных пространств вновь стали использоваться исследователями и деятелями культуры в последней четверти XIX в. Британская колониальная администрация еще до того, как разработала концепцию косвенного управления колониями, стала искать пути реформирования отношений с чрезвычайно разросшимися колониальными владениями, полагая, что нужно создавать более прочный фундамент единства империи и постепенно отказываться от прямого директивного управления из метрополии.

В 1884 г. появляется термин «Содружество наций», который несколькими годами позже преобразовали в «Британское содружество наций». Формирование Содружества было начато на колониальной конференции, проведенной в 1887 г. в Лондоне, на которой были определены основы новой колониальной политики: отныне наиболее развитым колониям стал дароваться статус доминионов – автономных образований, имевших широкие полномочия. При этом все они становились частью Британского Содружества наций – объединения колоний и доминионов, в которых не только сильны позиции британского бизнеса и британские интересы, но и позиции английского языка и английских (британских) традиций. На конференции премьер-министров Великобритании и британских владений 1926 г. была принята Декларация Бальфура, в которой Великобритания и доминионы признали, что эти государства имеют равный государственный статус и не находятся в зависимости от метрополии, самостоятельно осуществляют свою внутреннюю или внешнюю по-

литику, а сближает их общая верность Короне и свободное членство в Британском содружестве наций. Правовой статус Содружества был закреплен Вестминстерским статутом в 1931 г., и вплоть до 1947 г. оно представляло собой некое рыхлое подобие союза государств, каждое из которых было объединено с Великобританией династической унией (то есть главой доминионов признавался британский монарх).

Однако как реальное объединение стран-партнеров, которых связывает не только колониальное прошлое, но и общие культурные традиции, Содружество возникло именно после 1947 г. Не случайно британский МИД стал именоваться Министерством иностранных дел и по делам Содружества наций (название «Британское» было отменено), в британском парламенте был создан специальный комитет, ведавший делами Содружества наций, появились многочисленные образовательные программы в британских университетах, предназначенные для молодых людей из стран Содружества, программы культурных обменов, специальные программы на BBC, ориентированные на аудиторию бывших колоний и т.д. (Шишков, 1996; James, 2004).

Рис. 2. Флаг Содружества наций.

В состав Содружества сегодня входят 53 страны, в которых английский язык имеет сильные позиции и которые некогда были колониальными владениями Великобритании. Ныне интересы многих стран Содружества существенно разнятся, и о реальной соли-

дарности его членов вряд ли можно говорить, равно как и о существовании единого культурного пространства стран Содружества. Видимо, интересы этих стран и далее будут расходиться, а само оно по мере ослабления влияния Британии в мире (которое стало очевидным после Брексита) станет подвергаться внутренней эрозии.

В 1968 г. в политический оборот было введено понятие «Франкофония» и сегодня в сообщество стран, симпатизирующих французскому языку и культуре, входят 58 стран (а еще 26 являются наблюдателями). Но, впрочем, многие члены этого объединения до сих пор обвиняют Францию в том, что объединение есть некая новая форма старой колониальной зависимости (Марусенко, 2016), а потому внутреннего согласия и полной солидарности членов в сообществе нет.

Рис. 3. Флаг Франкофонии.

Более двадцати испаноязычных стран объединены в сообщество «Испанидад» и регулярно проводят ибероамериканские саммиты, а в 1996 г. возникло сообщество португалоязычных стран.

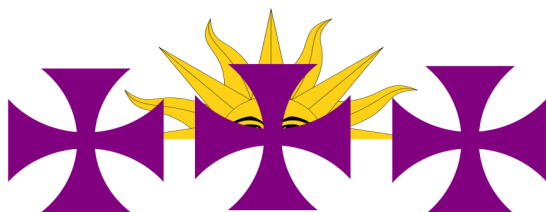

Рис. 4. Флаг сообщества Испанидад.

Этноязыковой и религиозный принцип был положен в основу созданной в 1945 г. Лиги арабских государств, а сама идея единой арабской нации была сформулирована еще в 1905 г. При этом понятие «Арабский мир» прочно укоренилось только во второй половине XX столетия, и тогда же заговорили об арабском единстве. Однако сегодня во главу угла своей политики арабские страны ставят не интеграцию и общие культурные традиции, а защиту государственного суверенитета своих стран (Мелкумян, 2020), а согласия между ними уже давно не наблюдается и, напротив, конфликтов становится все больше.

Рис. 5. Флаг Лиги арабских стран.

Рис. 6. Карта Арабского мира.

Но гораздо раньше, чем пришло осознание реальной культурной близости у народов Арабского Востока, начали формироваться пантюркские и панфинские идеи, ставшие впоследствии основой для формирования «Тюркского» и «Финно-угорского» миров.

Тюркский мир

Идея тюркского мира оформилась в конце XX – начале XXI в., ее основой стал пантюркизм, который сформировался как культурное и политическое течение еще во второй половине XIX в. Движение началось среди тюрков в Крыму и на Волге, стремившихся объединиться с тюрками Османской империи и сформировать широкое поле культурной солидарности. Идеология пантюркизма тесно связана с понятием «Туран», которое возникло как антипод «Ирана» – страны, где господствует персидская культура. Огромное пространство «Турана» к северу от Ирана и от Кавказа до Саян рассматривалось идеологами пантюркизма как прародина «туранских» народностей, к которым причислялись все этнические группы, первоначально приписывавшиеся к урало-алтайской языковой семье.

Сегодня уральская языковая семья и алтайская семья рассматриваются лингвистами и этнографами как самостоятельные языковые семьи, хотя современное политическое руководство Венгрии полагает, что культурная общность с уральцами сомнительна, а Туран для бывших кочевников-мадьяр культурно ближе, а потому один из первых курултаев туранских народов состоялся именно в этой стране (III туранский курултай, 2014 г.). А в 2018 г. в венгерском Бугаце прошел X Международный курултай народов «Туран». Нынешняя политическая элита страны отрицает финно-угорское происхождение венгров, полагая, что эта теория была навязана коммунистическим режимом, хотя на самом деле она имеет более раннее происхождение. Среди венгерских исследователей существуют разные мнения. Многие придерживаются идеи угорского происхождения венгров. В IX в., когда венгерские племена перекочевали на Дунай, в их составе были и тюрки. Часть венгров полагает, что их предками были не угры, а гунны.

Распад СССР в 1991 г. создал условия для восстановления пантюркского движения, и Турция предприняла усилия, чтобы стать лидером этого движения и включить в сферу своего политического

влияния новые независимые государства Центральной Азии, где доминировало тюркское население – Узбекистан, Азербайджан, Туркменистан, Кыргызстан и Казахстан, а также российские республики, где ислам имел прочные позиции, а доля тюркского населения была значительной. При поддержке Турции в странах Центральной Азии открывались исламские университеты и школы, проводились различные культурные мероприятия, призванные продемонстрировать тюркское единство. Интерес к укреплению связей с тюркскими народами проявляли и сами названные страны, а также этнические лидеры в российских республиках. Уже в 1991 г. в Казани была учреждена Ассамблея тюркских народов, в рамках которой намечалось укрепление культурного и политического сотрудничества между странами и регионами, населенными тюрками. Теперь Ассамблея регулярно проводит встречи в столицах тюркских государств, и в ее состав входят представители большинства тюркских этнических групп.

В настоящее время идеи пантюркизма наиболее влиятельны в Турции и Азербайджане, который считается ближайшим и наиболее последовательным союзником Турецкой Республики. Такая ситуация обусловлена и тем, что эти страны являются соседями, их культурной близостью (азербайджанцев еще в первой четверти XX в. называли в России турками). Сторонники пантюркизма в странах Центральной Азии ревниво относятся к претензиям Турции на роль лидера тюркского мира. Амбиции местной элиты существенно возросли в процессе формирования национальных государств и собственных националистических мифов. Теперь в этих странах, особенно в Казахстане и Киргизии, полагают, что настоящие/истинные тюрки – это титульные народы названных стран. Этнические лидеры тюркских народов Сибири (якуты и еще около десятка этнических групп, говорящих на тюркских языках) считают, что для них более интересно и полезно расширение сотрудничества в рамках Арктического региона. Политическое руководство российских республик пытается препятствовать тому, чтобы идеи пантюркизма порождали в республиках сепаратистские настроения. Поэтому сегодня активно пропагандируется идея о том, что общей прародиной тюрков является Алтай и именно отсюда надо строить конструкцию тюркского мира.

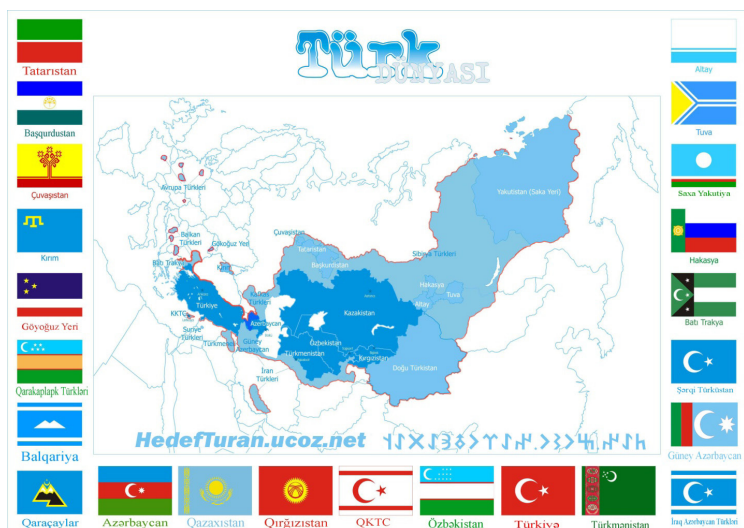

Рис. 6. Карта Тюркского мира.

Помимо всего прочего, не всех устраивают попытки сделать мусульманскую религию основой культурного взаимодействия тюркских народов, ибо чувашаи, якуты и некоторые другие этнические группы исповедуют православие, тувинцы и калмыки, значительная часть бурят являются приверженцами буддизма. В странах Центральной Азии, в свою очередь, пытаются исторически обосновать свое первенство в строительстве тюркского мира, указывая на исторические факты и давая им собственную интерпретацию. Так, авторы пятитомного издания «История Казахской ССР» и авторы книги «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» С. Г. Кляшторный и Т. И. Султанов, согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, первое появление слова «тюрк» относят к 551–552 гг. н. э. Они полагают, что основную роль в формировании тюрков как единого культурного пространства, которое сохраняется по сей день, сыграли Великая Степь Евразия «Туран» и кочевые степные империи.

В этих условиях не только интеллигенция Турецкой Республики, но и ее политики, вновь и вновь поднимая вопрос об объединении тюркских народов и государств вокруг себя, имеют мало шансов стать центром тюркского мира. Кроме того, они не смогли предложить привлекательной объединительной идеи, не сформулировали цели тюркского движения, согласованные с остальными тюркскими

государствами. Поэтому Тюркский мир до сих пор остается неким культурным и политическим проектом, который не может быть реализован. Тем не менее 22 августа 2012 г. четыре крупнейших тюркоязычных государства, объединившиеся в рамках Тюркского совета, приняли единый флаг, взяв символы всех четырех государств: солнце из флага Киргизии, звезду – Азербайджана, полумесяц – Турции, цвет – Казахстана. Он является вторым обязательным флагом после национальных. Все эти элементы, как правило, встречаются на флагах других тюркоязычных стран или регионов. С 2007 г. проводятся курултай (съезды) тюркских народов (Габдрафиков, Шабаев, 2017).

Финно-угорский мир

Однако наиболее институционально оформленной оказалась концепция «Финно-угорского мира». В конце XIX в. финно-угорведы разрабатывали теорию прародин финно-угорских и самодийских народов (уральцев), связывая ее с Уралом и прилегающими регионами. Тогда же в кругах финской интеллигенции родилась и идея Великой Финляндии (Suur Suomi), которая первоначально носила характер сугубо культурного проекта, суть которого состояла в сохранении культурного наследия и культурной интеграции всех финно-угорских народов уральской языковой семьи под патронажем Финляндии или Великого княжества Финляндского.

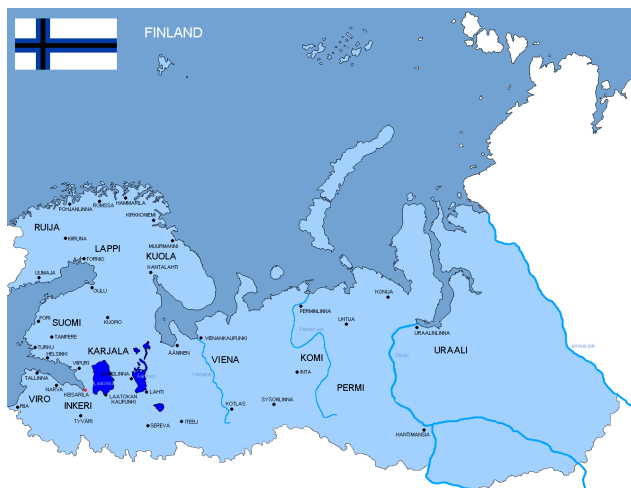

Рис. 7. Карта «Великой Финляндии».

После обретения Финляндией независимости и особенно в период между двумя мировыми войнами названная идея приобрела откровенно экспансионистский характер, и не случайно в истории отношений между Финляндией и Советской Россией (СССР) за весьма короткий срок произошли четыре советско-финских войны: война 1918–1920 гг. как продолжение гражданской войны в Финляндии; война 1921–1922 гг., имевшая своим идеологическим обоснованием «освобождение культурных родственников от диктата большевиков», что было обусловлено тем, что именно в Карелии финны видели свои корни, а национальный эпос «Калевала» построен на карельских рунах (день Калевалы – национальный праздник в Финляндии); наконец, это хорошо известная Зимняя война 1939–1940 гг. и так называемая «Война-продолжение» (1941–1944 гг.), в ходе которой Финляндия являлась союзником нацистской Германии. Финляндия была объявлена «восточным пределом Европы», Россию обозначили как «единственного постоянного врага» страны, а ненависть к русским *gussaviha* стала культивироваться политической элитой (некоторый рецидив этих настроений можно наблюдать в современной Финляндии).

После краха СССР и глубокого кризиса 1990-х гг. в Российской Федерации, сближения с Западом и отказа от конфронтации с блоком НАТО, а также подчинения национальных интересов страны интересам глобальных игроков на международной арене резко интенсифицировались не только политические, но и культурные связи России с ее европейскими соседями, и стало возможно формирование неких наднациональных культурных институтов, одним из которых и стал «Финно-угорский мир». Важнейшую роль в формировании некоего единого культурного пространства финно-угорских народов сыграли также процессы актуализации этничности, имевшие место на рубеже 1980–1990-х гг.

В феврале 1992 г. в Сыктывкаре состоялась учредительная конференция полномочных представителей финно-угорских народов, которая учредила Ассоциацию финно-угорских народов. В мае того же года в Ижевске прошел I Всероссийский съезд финно-угорских народов, который утвердил устав Ассоциации, ставшей его исполнительным органом. Съезд выступил инициатором проведения Всемирного конгресса финно-угорских народов, который состоялся в

декабре 1992 г. в Сыктывкаре и принял декларацию «Об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира» и «Обращение к Парламентам и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав». В декларации, в частности, говорилось о необходимости формирования широкого и единого культурного пространства этих народов, а в обращении отмечалось: «Содействуя возрождению финно-угорского мира, выживанию ряда наших родственных народов и развитию других... считаем необходимым добиваться создания правовых и организационных условий для всестороннего и равноправного сотрудничества братских народов между собой и со всем мировым сообществом» (*Обращение*, 1994: 258).

В этом документе республики, на территориях которых сложились и развивались финно-угорские народы (пусть даже большую часть их населения к этому времени составляли не финно-угры, а представители иных этнических групп, и там исторически сформировались поликультурные сообщества), впервые были маркированы как «финно-угорские». Сам мир, в состав которого входят, по мысли инициаторов его конструирования, все народы уральской языковой семьи, стал не «Уральским», а «Финно-угорским», т.е. был маркирован, исходя из традиций «Финно-угорского общества», учрежденного в 1883 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки). Можно сказать, что в 1992 г. термин «Финно-угорский мир» был внедрен в политическую практику, практику культурных обменов и сотрудничества между финно-угорскими народами.

На II Всемирном конгрессе, состоявшемся через четыре года в Венгрии, появились утверждения, что «Финно-угорский мир» состоялся, но окончательно это было признано на следующем конгрессе в Финляндии. На I конгрессе было решено, что исполнительным органом финно-угорских конгрессов станет Консультативный комитет финно-угорских народов со штаб-квартирой в Хельсинки; возглавил его лидер коми национального движения В. П. Марков, а финансировало его деятельность правительство Финляндии через Фонд М. Кастрена. В состав Комитета входили представители от Эстонии, Венгрии и Финляндии и многих российских автономий, где проживали уральские народы. Для продвижения различных культурных инициатив и их финансовой поддержки в Сыктывкаре в 2007 г. по

поручению Президента В. В. Путина, поддержавшего просьбы республиканских властей, был создан федеральный Финно-угорский культурный центр Российской Федерации, который издает журнал «Этнический комфорт», курирует создание тематических телепередач, интернет-ресурсов, проводит многочисленные культурные мероприятия. А годом ранее в соответствии с решением Правительства Российской Федерации в Саранске был основан Поволжский центр культур финно-угорских народов, издающий журнал «Финно-угорский мир» и «Финно-угорскую газету», поддерживающий различные инициативы в сфере культурных обменов.

Идея уральской культурной солидарности основывается на представлениях о былом единстве и некогда существовавших общих праязыке и прародине, опирающихся на заключения палеолингвистов, обосновывающих древнее языковое единство уральцев. Формированию современного «Финно-угорского мира» как реального сообщества или символического культурного пространства мешает отсутствие четко сформулированной концепции, ясных и всеми разделяемых культурных идеалов и ориентиров, действенных и имеющих влияние в обществе, отсутствие совместных институтов (политических и культурных), не говоря уже об общей территории и таких категориях, как идентичность или гражданство (*Шабает, Садохин, 2014*).

Принадлежность уральских народов к разным государствам-нациям, в рамках которых они существовали длительное время, сближаясь со своими иноэтничными согражданами, с которыми у них общая история, общий пантеон героев и много общих культурных элементов, означает, что общенациональное сознание будет превалировать над трансграничной солидарностью и конструкциями трансграничных культурных миров.

Интересы государств-наций, в которых проживают уральцы, а равно и представители других фигурирующих в информационном пространстве «миров», нередко существенно различаются, что оказывает серьезное влияние на культурные взаимосвязи. Поскольку язык есть базовый принцип, лежащий в основе культурных связей между финно-угорскими регионами, странами и народами, вполне естественно, что вслед за научным интересом к финно-угорским языкам и литературам проявился интерес к расширению контактов между самими творцами национальных литератур и профессио-

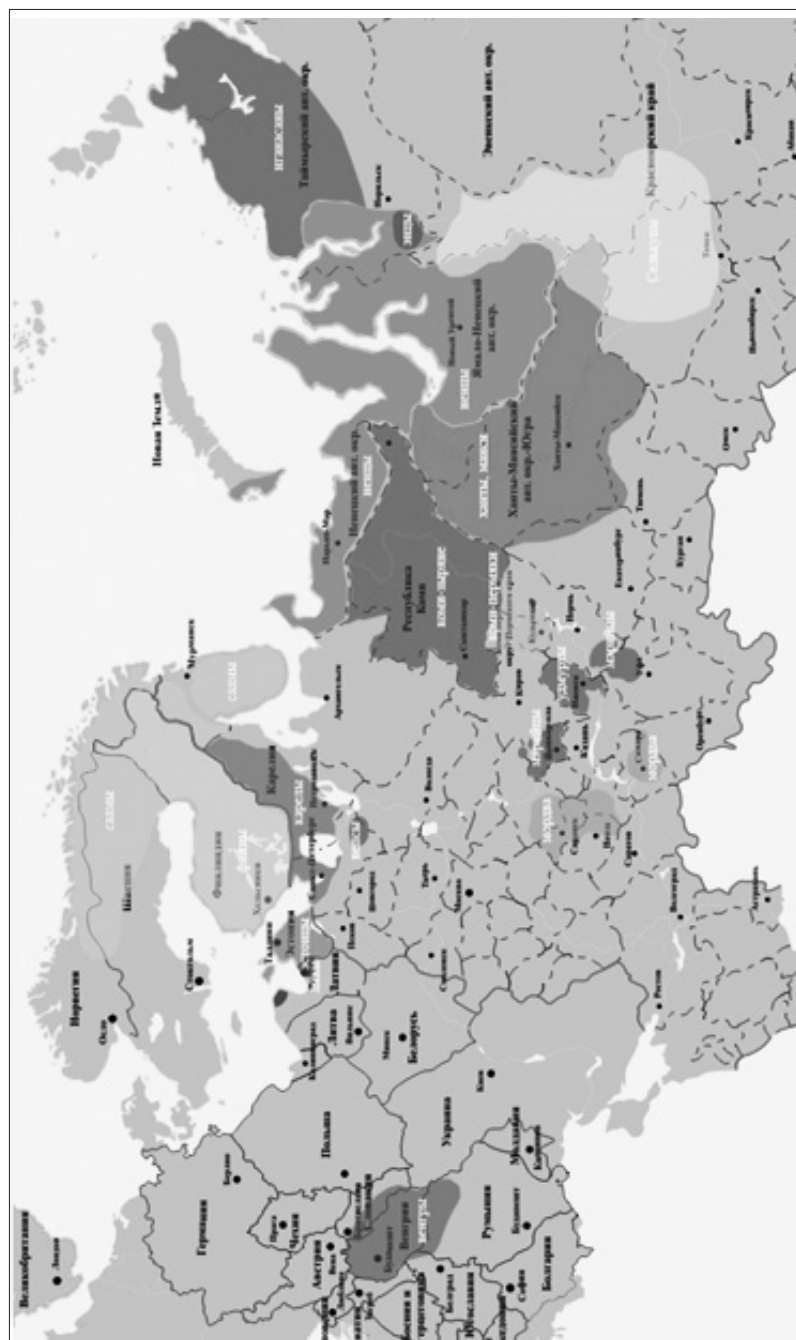

Рис. 8. Карта «Финно-угорского мира».

нальной художественной культуры в целом. В мае 1989 г. в Йошкар-Оле состоялась встреча финно-угорских писателей, был образован Международный союз финно-угорских писателей. В мае 1990 г. в Москве была создана Ассоциация писателей финно-угорских литератур. В 1991 г. в Финляндии (г. Эспоо) состоялась вторая встреча финно-угорских писателей на тему «Язык – моя родина». Позже такие встречи стали проходить регулярно.

Важной стороной культурного сотрудничества является знакомство общественности с традициями финно-угорских народов. Первый финно-угорский международный фольклорный фестиваль состоялся в июне 1990 г. в Йошкар-Оле. В том же году в эстонском городе Нарва прошел фестиваль сказок финно-угорских народов. В 1991 г. в Ижевске был проведен праздник танца финно-угорских народов, а в Сыктывкаре – 2-й Международный фольклорный фестиваль. Затем фольклорные фестивали проводились в Саранске (1992), Ханты-Мансийском округе (1993), Кудымкаре (1995), Эстонии (1997), Ижевске (1999) и венгерском Секешфехерваре (2000) и т.д. На фестивалях, как правило, представляется песенная и танцевальная культура финно-угорских народов, в них принимают участие как профессиональные, так и самодеятельные коллективы.

Профессиональное сценическое искусство также было вовлечено в сферу культурных обменов. В 1992 г. финно-угорский театральный фестиваль состоялся в Ижевске, затем в течение ряда лет он проводился в финском городе Нурмес. В 1997 г. наиболее представительный фестиваль был проведен в Йошкар-Оле, а в июне 2000 г. в Сыктывкаре был организован первый финно-угорский фестиваль для детей и юношества с участием театральных коллективов из Венгрии и ряда финно-угорских регионов России. Однако постепенно традиция таких фестивалей прервалась.

Были свернуты и другие культурные инициативы. К примеру, в рамках III Всемирного конгресса финно-угорских народов в 2000 г. в финском городе Эспоо состоялась выставка современного искусства финно-угорских народов «Ugriculture-2000», которая являлась составной частью программы «Уральская культура», но развития она не получила. Кроме культурных форумов, фестивалей и выставок, имевших характер широких культурных презентаций, проводились за государственный счет и многочисленные локальные культур-

ные мероприятия в форме двусторонних контактов – гастрольные поездки артистов, выставки художников, презентации книг и т.д.

Было также очевидно, что для сохранения актуальности концепции «Финно-угорского мира», для демонстрации реального наличия единого финно-угорского культурного пространства необходимы были регулярные и весьма интенсивные информационные связи между финно-угорскими регионами и странами. Сотрудничество финно-угорских регионов в информационной сфере началось в апреле 1991 г., когда в Сыктывкаре была организована встреча журналистов из «финно-угорских регионов» России. В октябре того же года здесь же прошел Международный фестиваль телевизионных фильмов «Финно-угорский мир», состоялось совещание «Культура, нравственность, духовность и национальное возрождение».

В декабре 1992 г. в Сыктывкаре был проведен II фестиваль «Финно-угорский мир»; было принято решение о создании межрегиональной телевизионной программы «Финно-угорский мир», повествующей о событиях в разных финно-угорских регионах России и знакомящей с различными сторонами культуры финно-угорских народов. Первый выпуск этой программы в форме тележурнала был создан в январе 1993 г. Журнал предполагалось выпускать с периодичностью шесть выпусков в год, которые должны были регулярно транслироваться всеми национальными телеканалами финно-угорских республик России, а также эпизодически включаться в программы эстонского, финского и венгерского телевидения. Удалось создать более 300 выпусков журнала, в производство которого были вовлечены в основном российские республиканские студии телевидения, хотя определенная финансовая помощь с финской стороны иногда оказывалась.

Однако перед создателями журнала регулярно встает проблема финансирования. Изучение целевой аудитории не проводилось, равно как и анализ востребованности предлагаемых зрителям тем. Не удалось реализовать и проект «Финноугровидение», который задумывался руководством Финно-угорского центра в Сыктывкаре как действенная информационная площадка. А сетевая активность групп, объединенных интересом к уралистике, с годами ослабевала. Это касается и социальной сети «Уралистика», где можно было вести свою страничку (блог, фотоальбом, собственные аудио- и видео-

теки), загружать файлы, создавать группы по интересам, и других групп и сообществ финно-угорской направленности. Ушли из сети радикальные группы, такие как «Эрзяне объединяйтесь! Эрзят вейсэ виевтяно!», удмуртская группа «Удмуртлык», позиционировавшая себя «ВКонтакте» как ядро удмуртской нации, и целый ряд других.

Различные фестивали и встречи представителей СМИ создавали лишь основу для широкого информационного сотрудничества, а тележурнал выполнял в основном просветительскую функцию, но не интегративную. Общего информационного пространства не сложилось, хотя резолюция международного научного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век», состоявшегося еще в ноябре 1998 г. в Йошкар-Оле, призвала создать такое пространство и сформировать единую компьютерную базу данных в области финно-угроведения и культур финно-угорских народов. Одной из попыток создания информационных структур, обеспечивающих формирование общего информационного пространства, стало создание в 1993 г. Инфоцентра финно-угорских народов при поддержке Открытого фонда Эстонии. Но эта попытка не была удачной, о чем говорилось на конференции «Финно-угорские СМИ в XXI веке» (апрель 2001 г., Сыктывкар). На этой конференции были выработаны рекомендации по активизации информационного сотрудничества, координатором которого стало информационное агентство «Коминформ», создавшее постоянно обновляемый финно-угорский информационный сайт www.finugor.kominform.ru. Позднее агентство вошло в состав созданного в Сыктывкаре в 2007 г. Финно-угорского культурного центра Российской Федерации.

Для активизации сотрудничества между финно-угорскими странами и народами и оказания помощи родственным народам в России, Финляндии, Венгрии и Эстонии были приняты специальные государственные программы, за счет которых издавались учебники языка и литературы для национальных школ, а студенты из финно-угорских республик и округов России проходили обучение в университетах Эстонии, Финляндии и отчасти Венгрии. Ежегодно проводились научные студенческие конференции IFUSCO, устраивались летние школы, в том числе и те, на которых западные кураторы готовили молодых этнических активистов.

Эстонская газета Eesti Paevaleht еще в июне 2010 г. предложи-

ла создать единый флаг для финно-угорских народов. Автором дизайна флага явился сотрудник Варшавского университета Шимон Полас, но проект так и остался проектом, и «Финно-угорский мир» даже символически не маркирован. С общим флагом «мира» произошла та же история, что и с флагом независимой Коми, независимой Ингрии и других виртуальных квазигосударственных образований – он так и остался визуальной утопией.

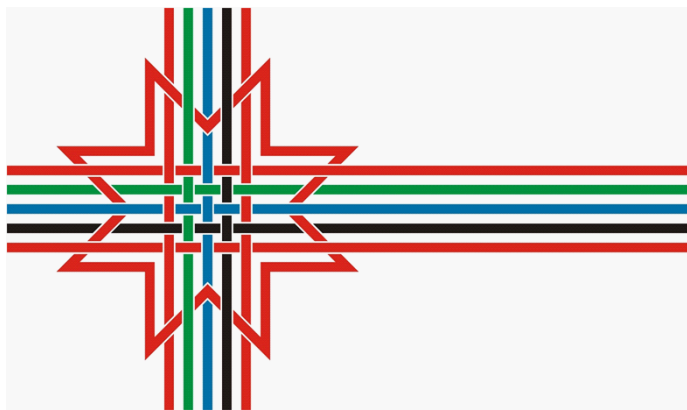

Рис. 9. Проект флага «Финно-угорского мира».

Опыт трех десятилетий показал, что широкой общественности о «Финно-угорском мире» мало что известно. Молодежь, как правило, стоит в стороне от этнических проблем. Опрос студентов в Коми, Карелии, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии, проведенный в 2020 г., показал, что для подавляющего большинства молодых этничность не является не только доминирующим, но даже сколько-нибудь значимым фактором культурного позиционирования. 40 % опрошенных вообще ничего не знают об этнических движениях, а среди знающих что-либо об их деятельности с одобрением к ней относится только пятая часть респондентов (*Влияние*, 2022: 63).

О «Финно-угорском мире» как культурном феномене в региональных СМИ писалось много, но попытки получить толкование этого феномена на посвященном этому миру спецкурсе в Сыктывкарском государственном университете показали, что внятно объяснить его предназначение и цели студенты не могут. Примерно такой же уровень осведомленности, вероятно, существует и в других регионах, где исторически проживают финно-угры. В нынешнем

состоянии «Финно-угорский мир» – это проект, главным образом, для региональных элит. Не случайно состав делегаций на финно-угорские конгрессы определялся в региональных органах власти, и за счет государственных средств в Венгрию, Финляндию и Эстонию выезжали, в основном, чиновники и лидеры этнических организаций да еще журналисты (порой численность таких делегаций доходила до полутора тысяч человек). Простые представители уральских народов никак не были вовлечены в международное финно-угорское движение, оно существовало как параллельная реальность.

«Финно-угорский мир» стремились формировать на лингвистической основе за счет культурных и информационных контактов. Предпринимались и утопические попытки создания некоего общего для всех финно-угров языка – будинос. Некоторые исследователи пытались доказать, что система ценностей у финно-угров едина, поэтому можно говорить о финно-угорском суперэтносе, но эти попытки неубедительны. «Финно-угорский мир» не стал фактом массового сознания уральских народов. Он признается и осознается, главным образом, представителями интеллигенции финно-угров (в основном гуманитарной), причем, как правило, вовлеченными в конструирование этого символического конструкта.

При этом важно заметить, что «Финно-угорский мир» – это идейная конструкция, которая изначально предназначалась преимущественно для внутрироссийского использования, ибо и эстонская, и венгерская, и финская культурная и политическая элита считают своим основным культурным ориентиром включение в единое культурное и политическое пространство Евросоюза, и именно на внутриевропейскую интеграцию направлены усилия государственных и культурных институтов этих стран. Не случайно финно-угорские коллекции в Национальном музее Финляндии уже не являются ядром его экспозиции, а объединены с экспозициями, посвященными народам Африки и Азии, причем это произошло задолго до того, как началась открытая конфронтация Запада с Россией.

Более того, «родственники по языку» и особенно эстонские политики и общественные деятели предпринимают регулярные попытки, чтобы доказать, что уральские народы в Российской Федерации подвергаются насильственной русификации и их интересы ущемляются. Квинтэссенцией подобных позиций стало выступле-

ние президента Эстонии Ильвеса на Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске (и его выступление в ООН), а также доклад, который подготовила по поручению ПАСЕ бывший эстонский министр Кэтрин Сакс (*Тишков, Шабаетов*, 2007). В этом же ряду находится и «Красная книга народов России», подготовленная эстонскими «экспертами» (*Kolga*, 2001). Все эти издания и выступления носят не аналитический, а пропагандистский характер, грешат многочисленными и грубыми фактическими ошибками и откровенно извращают правовые основы российской государственной национальной политики и принципы прав человека в целом (*Раннунт*, 2004), не рассматривают положение этнических меньшинств в России в широком европейском контексте, включая положение меньшинств в странах Балтии (*Полещук, Степанов*, 2013), особенно в Латвии и Эстонии, которые к примеру, не только не ратифицировали европейскую хартию о языках меньшинств, но даже и не подписывали ее.

Если иметь в виду только идентичность, то для формирования общей финно-угорской идентичности необходимо, чтобы все финно-угорские народы осознавали себя органической частью единого культурного сообщества. Однако эти народы разделены религиозными и другими границами и являются частью уже сложившихся культурных сообществ, у которых есть и общая история, и общее гражданство, и общая территория. Миры не возникли как продукт мощных общественных движений и народной инициативы, а созданы усилиями этнических антрепренеров при финансовой поддержке государств. Когда эта поддержка прекращается, разрушительные центробежные тенденции современного мира ломают хрупкие конструкции культурно-языковых миров.

Противоречия внутри международного финно-угорского движения наметились уже достаточно давно, а на VII конгрессе они вылились в открытое идейное противостояние. На VIII конгресс, состоявшийся в 2021 г. в Тарту (Эстония), по решению АФУН российскую делегацию решено было не направлять, и конгресс, по сути, превратился в «кружок по интересам», ибо в обсуждениях разных вопросов приняло участие всего несколько десятков человек. Дальнейшее участие в конгрессах и их финансирование за счет государства не предполагается.

Перестали поддерживаться финно-угорские сайты (и в Эстонии, и в России), и оперативная информация о культурных мероприятиях и акциях, имеющих место на пространстве «Финно-угорского мира», больше не поступает заинтересованным лицам. Создание тележурнала «Финно-угорский мир» испытывает серьезные сложности, полностью свернуты культурные обмены и совместные культурные акции, и евроатлантическая солидарность прямо противопоставлена финно-угорской солидарности. В современных условиях прежние формы культурного сотрудничества уже не возродить.

Но все вышесказанное не значит, что позитивный опыт пропаганды культурного наследия уральцев (или иных народов) должен быть забыт. Наоборот, Россия становится сегодня естественным центром как научного финно-угроведения, так и центром сохранения традиций и исторической памяти уральцев, а равно и всех других народов страны.

Что же касается концепции широких культурных пространств – культурных миров, то она переживает кризис, но это не означает, что они должны быть преданы забвению. Прежние механизмы и формы культурного сотрудничества в новых условиях противостояния между Россией и коллективным Западом уже не будут работать (включая и механизмы работы в рамках «Русского мира»), но необходимо переформатировать концепцию миров таким образом, чтобы она работала на интересы России, и найти новые механизмы, с помощью которых культурное влияние нашей страны будет распространяться по миру.

Заключение

Глобализация, в том числе и культурная, как доминирующая мировая тенденция сегодня рассматриваться уже не может. В экономике усиливается протекционизм, попытки ограничить обмен технологиями, решить проблемы национальных экономик за счет промышленного и технологического потенциала других стран, и одновременно нарастает политическое противостояние между странами Запада и Россией, между странами, сохраняющими приверженность традиционным ценностям (религии, семье, отношениям между полами) и странами, отрицающими их непреходящее значение.

Широкое культурное сотрудничество между государствами-нациями сегодня невозможно не только в силу санкционной политики Запада в отношении России или ряда других стран, но и в силу того, что западные элиты, долго провозглашавшие идеи мультикультурализма и толерантности своими базовыми ценностями, откровенно повернулись в сторону культурного расизма. Запрещать исполнять произведения Чайковского и Шостаковича и ставить пьесы Чехова в польских театрах – это классический культурный расизм, который начался с массового уничтожения памятников советским воинам, павших на территории Польши в годы Второй мировой войны, хотя, конечно, культурный и политический контекст этих акций шире (это еще и продолжение политики 1920–1930-х гг., когда в Польше, в том числе и силами Войска Польского были уничтожены треть православных храмов и все монастыри, послевоенной грубой политики притеснений евреев, украинцев и немцев). А ущемлять права русскоязычных (и просто выходцев из России) в сфере трудовой деятельности, конфисковывать их имущество, замораживать вклады, всячески третировать, что имеет место во многих «демократических странах» Европы, – это уже обыкновенный расизм, ибо главным основанием для дискриминационных действий является культурная принадлежность объекта дискриминации. Поддержка режима, который делает своими национальными героями нацистских преступников (Бандеру и Шухевича), свидетельствует о том, что дух нацистских расовых законов, а именно «Закона о гражданстве рейха» (Reichsbürgergesetz), «Закона о защите немецкой крови и немецкой чести» (Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre) теперь присутствует и в действиях западных элит. Эти законы, определявшие статус евреев в Третьем рейхе и защищавшие чистоту крови арийцев (как истинных европейцев), ограничили права огромного этнического меньшинства в экономической, политической и общественной жизни Германии, позволили лишать представителей этого меньшинства собственности и ограничивать их гражданские права (*Шабает, 2020: 251*).

Увы, то же самое происходит в Европе сегодня под прикрытием защиты демократии, а потому если нацистские расовые законы и не являются руководством к действию для западных политиков, то их дух явно просматривается в откровенной русофобии европейских

и американских элит (а точнее, части этих элит, сохраняющих колониалистское сознание). Впрочем, латышский и эстонский законы о гражданстве явно перекликаются с германским законом 1935 г., а речи некоторых тамошних политиков пропитаны духом «Закона о гражданстве Рейха», фактически лишившем евреев немецкого гражданства. Но это никого в ЕС не смущало, и балтийским «новобранцам ЕС» некоторые эксперты только тихо советовали изменить отношение к меньшинствам, чего, правда, сделано не было. Нельзя строить единое культурное пространство со странами, где конституционный национализм имеет такие агрессивные формы, и теперь культурная интеграция должна быть направлена не вовне России, а внутрь ее.

Это означает, что страна, которая изначально создавалась как добровольное объединение земель и культурных групп, должна актуализировать историческую память своих сограждан и на этой основе формировать единую гражданскую нацию. Изначально Россия, которая как государство существует более тысячи лет, отличалась сложным составом населения, и уже первые ее летописи свидетельствовали, что государство строили сообща представители различных местных племен и пришлые люди, т. е. оно было открыто внешним влияниям и другим культурам, а возникло в результате некоего сознательного и совместного выбора разнородных культурных групп. «Российская государственность и отечественная избирательная система начали устраиваться по... сообщению Повести временных лет под 862 годом. Тогда славянские и финские племена (словене, кривичи, чудь, весь, меря, в вариантах – русь) по общему решению, на добровольной основе пригласили «во власть» <...> Рюрика с братьями Синеусом и Трувором» (*Кирпичников, 2011: 73*).

Финские и тюркские племенные и территориальные группы помогали Великому князю московскому завоевывать новые земли сначала в Поволжье, а затем и в Сибири. Взятие Казани в 1487 и в 1555 гг., к примеру, осуществлялось культурно неоднородными войсками, в которых активное участие принимали и сами казанские татары, и татары горной стороны, а в 1555 г. со стороны осаждавших Казань их было не меньше, чем со стороны обороняющихся, ибо славянско-татарские связи стали к тому времени уже весьма прочными. В сибирских походах также участвовали представители многих культур-

ных групп: коми-зыряне, казанские татары, затем кодские ханты, буряты, якуты, юкагиры, и Россия стала великой евроазиатской державой благодаря совместным усилиям разных народов. Но длительная и сложная история формирования государства и российской многокультурности, на наш взгляд, пока недостаточно пропагандируется. Историческая память как инструмент воспитания гражданина и формирования общенационального гражданского сознания должна стать действенным инструментом в процессе современного нациестроительства, а попытки отрицать веками складывающиеся традиции добрососедства, служения единому государству, необходимо отвергнуть.

Литература

Габдрафиков И., Шабаетов Ю. Тюркский мир // Народы севера России: обычаи, традиции, культура: справочник / под ред. А.П. Садохина, Ю.П. Шабаетова. – Москва: Кнорус, 2017. – С. 290–295.

Влияние интернет-ресурсов на гражданскую позицию современной российской молодежи / Отв. ред. М.А. Омаров. – Москва: Изд-во РГГУ, 2022. – 365 с.

Кирпичников А. Обстоятельства зарождения. Исторические данные о 1150-летию российской государственности // Родина. – 2011. – № 4. – С. 73–78.

Kolejka J. Славянские программы и идеи славянской солидарности в XIX и XX веках. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. – 264 с.

Марусенко М.А. Франкофония: миф или реальность // Мир русского слова. – 2016. – № 1. – С. 39–43.

Мелкумян Е.С. Лига арабских стран в структурировании арабского регионального пространства // Вестник МГИМО-Университет. – 2020. – № 13 (5). – С. 220–235.

Мухаев Р.Т. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Регионоведение», «Политология», «Международные отношения». – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – С. 207–210.

Обращение к Парламентам и Правительствам Российской Федерации // Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Очерки. Документы. Материалы. Т. 1 / Сост. Ю.П. Шабаетов.

– Москва: ЦИМО. 1994. – С. 258–260.

Полещук В.В., Степанов В.В. (ред.) Этническая политика в странах Балтии. – Москва: Наука, 2013. – 407 с.

Раннунт М. Пособие по языковой политике. – Таллинн: AS Atlex, 2004. – 215 с.

Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 197. – Москва, 2007. – 31 с.

Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских финно-угорских народов России. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 409 с.

Шабаев Ю.П. Всеславянские съезды // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: этнополитический справочник / под ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. – Москва–Берлин, 2015. – 692 с.

Шабаев Ю.П. Российская многонациональность/многокультурность в курсе гуманитарной подготовки учащихся российской системы образования. – Москва: Изд-во РГГУ, 2020. – 366 с.

Шишков Ю.В. Судьба британского содружества наций: воспоминание о будущем СНГ // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 73–85.

Этногенез народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. – Москва: Наука, 1989. – 277 с.

Huntington. Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order: New York : Simon & Schuster. – 1996. – 368 p.

James L. The Rise and Fall of the British Empire. – London: St. Martin's Press, 2004. – 677 p.

KolgaT. I., Vaba L., Viikberg J. The Red Book of the Peoples of the Russian Empire. – Tallinn: NGO Red Book, 2001. – 417 p.

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 208 p.

Оглавление

Введение	3
История формирования некоторых «культурных миров» и их современное состояние	6
Тюркский мир	12
Финно-угорский мир	15
Заключение	26
Литература	29

Юрий Петрович Шабаев
Игорь Любомирович Жеребцов

**КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ
В ЭПОХУ ЭРОЗИИ ГЛОБАЛИЗМА (аналитический доклад)**

*Материалы к Всероссийскому научному семинару
«Влияние геопроекта “Туран” на этнополитические процессы
в регионах Поволжского федерального округа»
(Ижевск, 27–28 февраля 2023 г.).*

Оригинал-макет Н.К. Забоевой.

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 1/16.
Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,8. Тираж 300. Заказ № 156.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.